

К ВОПРОСУ О «ПОСЛАНИИ» ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

«Слову» («Посланию», «Молению») Даниила Заточника как памятнику древнерусской политической литературы посвящено очень большое число работ.¹ Однако бывают такого рода исторические источники, при каждом повторном прочтении которых обращается внимание на какие-то новые (и часто очень существенные) моменты, ранее оставшиеся не замеченными. Поэтому мне и хочется еще раз обратиться к названному произведению.

Можно считать доказанным наличие двух редакций рассматриваемого памятника: одной, озаглавленной «Слово», другой, посвящей наименование «Послание» или «Моление» Даниила Заточника. По-видимому, следует согласиться с теми исследователями, которые считают первую редакцию («Слово») более ранней, вторую же («Послание», «Моление») — более поздней ее переделкой. Не исключена, однако, возможность того, что в основе и «Слова», и «Моления» лежит какой-то общий архетип, заключавший в себе некоторые особенности обеих редакций. При любом решении вопроса о взаимоотношении двух редакций

¹ См. публикацию памятника: «Слово» («Моление», «Послание») Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. а также: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947; В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 410—418; И. У. Будовниц. 1) Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 138—157; 2) Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 269—290; М. Н. Тихомиров. Написание Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 269—279; Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 106—119; М. О. Скрипиль. «Слово» Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 72—95. В названных работах имеется и библиография вопроса о «Слове» («Послание», «Моление») Даниила Заточника. Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 54—101.

изучаемого памятника совершенно несомненно, что весьма существенные отличия текста «Послания» (или «Моления») от «Слова» таковы, что заставляют видеть в этом тексте произведение, возникшее в особой среде, в особых исторических условиях, принадлежащее другому составителю, чем «Слово». Составитель «Послания» («Моления») положил в основу своего труда «Слово» (или общий с ним архетип), но придал ему новое звучание, новую целенаправленность, использовал и видоизменил содержащиеся в нем автобиографические моменты применительно к описанию собственного жизненного пути, его социальное содержание развернул с учетом иной исторической обстановки, в которой совсем иначе проявились имеющиеся в «Слове» политические мотивы. В силу изложенного «Послание» (или «Моление») заслуживает изучения не только в сравнительном со «Словом» аспекте, но и как самостоятельное произведение.

«Слово» исследователи обычно датируют XII в. (серединой или концом), «Послание» («Моление») — 20—30-ми годами XIII в. (относя его ко времени переяславского князя Ярослава Всеволодовича). Таким образом, по общепринятому мнению, первая и вторая редакции рассматриваемого памятника хронологически довольно близки между собой. Но их различие по содержанию (при общей идейной близости) таково, что заставляет говорить о возникновении этих редакций в разных социально-политических условиях. Вторая редакция появилась тогда, когда уже началась процесс политического объединения русских земель, поэтому в ней в большей степени, чем в первой, развита идея о сильной княжеской власти, опирающейся на мелких и средних (по размерам земельных владений и политическому весу) слуг и находящей с их стороны поддержку. Прослеживается во второй редакции уже в известной мере в оформленном виде и идеология таких слуг.

Думается, что по содержанию вторую редакцию с гораздо большим основанием можно датировать не XIII, а XIV в. В пользу такой датировки свидетельствуют и некоторые дополнительные данные. Во-первых, от XIV в. сохранилось упоминание о самом Данииле Заточнике. Согласно летописным сведениям, во время сражения русских войск с ордынскими полками на реке Воже в 1378 г. русские воины задержали одного попа, пришедшего из Орды, и он был сослан в «заточение» на озеро Лаче, «иде же бе Данило Заточеник».² Правда, о пребывании Даниила Заточника на озере Лаче говорится здесь в прошедшем времени (можно поэтому предполагать и отдаленное прошлое). Во-вторых, то обстоятельство, что имя Даниила Заточника было широко известно в конце XIV в. и даже попало на страницы летописных сводов, скорее свидетельствует о том, что памятник, с этим

² ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 35—36.

именем связанный (точнее, его вторая редакция), возник не так уж давно, вернее всего в XIV в.

На конец XIII в. или на начало XIV в. как время создания «Послания» (переделки «Слова»), по мнению С. П. Обнорского, указывают и данные языка.³

Основанием для датировки «Послания» 20—30-ми годами XIII в. являлось то, что оно адресовано к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу. Но имя этого князя могло появиться на страницах «Послания» в связи с теми политическими событиями конца XIII—начала XIV в., ареной которых был Переяславль. За него шла борьба между великим князем владимирским и князьями тверскими и московскими. В 1297 г. «переяславцы с единого» выступили на стороне князей Даниила Александровича московского и Михаила Ярославича тверского против коалиции, возглавленной великим князем владимирским Андреем Александровичем. В 1301 г. произошел разрыв политических отношений между переяславским князем Иваном Дмитриевичем и тверским князем Михаилом Ярославичем (они «не докончили межю собою»). В 1303 г. умер переяславский князь Ивац Дмитриевич, и по его завещанию Переяславское княжение перешло под власть Даниила Александровича московского. После смерти в 1304 г. Даниила Александровича, как указывают летописи, «переяславци» (очевидно, горожане) «яшася за сына его за князя Юрья» (т. е. признали своим князем Юрия Даниловича московского). В том же году в Переяславле состоялся княжеский съезд, на котором Переяславль официально был передан Юрию Даниловичу. В 1306 г., во время пребывания Юрия в Орде, в Переяславль прибыл и «сел» там его брат Иван Данилович Калита. Вместе с «переяславской ратью» он вел борьбу со сторонником тверского князя, боярином Акишфом, и под Переяславлем разбил тверское войско.⁴ Словом, Переяславль оказался в самой гуще политической между княжеской борьбы, окончившейся победой московских князей. Весьма вероятно, что переделка «Слова» (так называемое «Послание») Даниила Заточника, возникшая в Переяславле (как можно думать, в первой половине XIV в.), ставит ряд важных политических вопросов, поднятых во время этой борьбы, в первую очередь о роли сильной княжеской власти.

Составитель «Послания» (как и «Слова») выступает под именем Даниила Заточника. Я не ставлю сейчас вопроса о том, имело ли это имя с самого начала литературное происхождение или же его носил реальный автор «Слова» XII в., а затем им же

---

³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Л., 1947, стр. 85—131. О возможности датировки «Послания» XIV в. говорит И. У. Будовиц (Памятники ранней дворянской публицистики, стр. 156).

⁴ ПСРЛ, т. 18, стр. 82—86.

воспользовался и составитель «Послания» XIV в. Я исхожу лишь из того, что составитель, говоря от имени Даниила Заточника, связывал почерпнутые им из «Слова» данные о последнем с собственной биографией и наделял облик Даниила Заточника новыми чертами автобиографического порядка. Поэтому условно имя Даниил Заточник я буду употреблять как синоним составителя «Послания».

Из высказываний составителя разбираемого памятника видно, что «Послание» представляет собою своеобразную аллегория и что за словесными образами надо уметь разгадать их подлинный смысл. Составитель сравнивает свое писание с гаданием по псалтыри: «Востани слава моя, востани псалтыр и гусли. Да развергу в притчах гадания моя и провещаю во языцех славу мою».⁵ Поэтому, мне думается, подходя к содержащимся в «Послании» данным как к чему-то реальному, надо искать это реальное под оболочкой ряда символов.

Прежде всего наблюдается смещение исторической перспективы. Действие перенесено в первую половину XII в., ко времени переяславского князя Ярослава Всеволодовича. Но в «Послании», адресованном якобы этому князю, отражается социально-политическая действительность первой половины XIV в. — времени присоединения Переяславля к Москве. И это вполне понятно. Падение независимости Переяславля наводит составителя «Послания» на мысли о причинах крепости и непрочности отдельных княжеств и городов, о том, на какие общественные группы следует опираться князьям, чтобы сохранить свои владения. Все это составитель изображает в форме обращения некоего Даниила Заточника к князю, причем в качестве адресата выбирается один из сильных переяславских князей прошлого, ставший затем великим князем владимирским, — Ярослав Всеволодович (сын Всеволода Большое Гнездо и правнук Владимира Мономаха).

Даниил Заточник не раз возвращается к вопросу о том, что нужно князьям, чтобы принадлежанце им «грады» не были захвачены их соседями (правителями других русских княжений). Он говорит, что князья могут избежать захватов своих «градов», если они — мудрые, опытные государи, если при этом они будут управлять самостоятельно и не делить своей власти с другими соправителями, станут укреплять единовластие, не слушать неразумных советников: «Луче един смысли, наче десяти владеющих грады властелин без ума. . ., занеже мудрых мысль добра». Сильны и побеждают те князья, которые действуют продуманно и осмотрительно, а не рассчитывают только на храбрость своих полков. «Мудрых полцы крепки, и грады тверды; храбрых же полцы

---

⁵ «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, стр. 53.

скинн, а безумни: па тех бывает победа».⁶ Стремление отдельных князей к безрассудным действиям (с расчетом па одну храбрость своих воинов) в целях завоевания чужих «градов», получения более крупных княжений приводит к тому, что они лишаются даже своих собственных владений: «Мнози бо ополчаются па болия грады и с своих, с мешших, сседают».⁷ Даниил Заточник подчеркивает, что отличительным качеством разумного воина является не столько храбрость па поле битвы, сколько основательность и солидность в подготовке планов военных действий: «Умен муж не велми бывает па рати храбр. по крепок в замыслех; да тем собирати мудрые».⁸ Указывает составитель, наконец, и па то, как важно соблюдать правильный «воинский» «наряд» («многажды и безнарядием полцы погибают»)⁹. Умение вести военные действия — залог победы.

Во всех высказываниях Даниила Заточника можно видеть известное обобщение результатов той политической борьбы, которая велась в начале XIV в. между русскими князьями (в первую очередь между представителями княжеских линий, правивших в Москве и Твери) и которая привела к заметному усилению Московского княжества.

Какие реальные факты исторической действительности могли дать составителю «Послания» материал для его политических обобщений? То, что Переяславль в конечном итоге достался московским князьям в результате не завоевания, а умелой политики, направленной на приобретение влияния среди различных кругов феодалов и горожан и договоренности с переяславским князем, дает Даниилу Заточнику основание утверждать преимущество «смысленых» действий людей «мудрых» над «безумством» «храбрых». Не являлся ли одним из прототипов «властелинов без ума», которых высмеивает составитель «Послания», боярин Акиф, убитый под Переяславлем? И не на опыте ли боев с участием «переяславской рати» проверялась мысль Даниила Заточника о том, что «безнарядием полцы погибают»? Конечно, все эти предположения очень гипотетичны. Но «Послание» Даниила Заточника принадлежит к числу таких загадочных источников, интерпретация которых без выдвижения гипотез вообще невозможна. Речь идет, стало быть, о степени убедительности таких гипотез.

В одном месте «Послания» Даниила Заточника можно усмотреть и более непосредственные указания па события XIV в., чем общие рассуждения об условиях силы и слабости «градов». «Княже мой, господине! — читаем в «Послании», — кому Пере-

⁶ Там же, стр. 57, ст. XX (XXXII).

⁷ Там же, ст. XXI (XXXIII).

⁸ Там же, стр. 58, ст. XXIV (XXXVI).

⁹ Там же, ст. XXVI (XXXVIII).

славль, а мне Гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем».¹⁰ Этот текст представляет собой (основанное на созвучии слов) изображение тяжелого положения составителя, очевидно, в какой-то мере ставшего жертвой тех феодальных войн, которые привели в начале XIV в. к перераспределению ряда владений между князьями. Не касаясь пока реальных данных, которые можно извлечь из приведенного текста относительно биографии автора «Послания», я укажу на связь данного места памятника с событиями XIV в. (переход Переяславля в состав Московского княжества; борьба за Владимирское великое княжение, олицетворенное под именем «Боголюбиво», распространение влияния московской княжеской власти в пределах Белоозера при Иване Калите).

Нам необходимо теперь определить свое отношение к трем вопросам, связанным с изучением «Послания» Даниила Заточника, которые уже много раз ставились в исторической литературе: 1) кто был составитель «Послания» по своему социальному положению; 2) какова его идеология; 3) какова цель написания «Послания»?

Составитель неоднократно говорит о своей бедности и «скудости»: «И покры мя нищета, аки Чермное море фараона; не ста обилие посреде дому моего, яко солнце на главе»;¹¹ «се бежа от лица скудости моея, аки Агар рабыня от руки Сарры госпожи своея»;¹² «се бо был есмь в велиице мнози лужи и печали»;¹³ «тем же, княже мой, господине, вопию к тебе одержим нищетою»;¹⁴ «избави мя, господине, от нищеты, аки птицу от кляпцы, и исторгни мя от скудости моея, аки серпу от тенета, аки утя, носимо в когтях у сокола».¹⁵

Даниил Заточник называет себя «убогим мужем», «нищим», не пользующимся никаким авторитетом и влиянием, которыми обладают богачи, по уму часто далеко уступающие «нищим». «Княже мой, господине, — восклицает составитель. — Богат муж везде знаем есть и в чюжем граде; а убог мужь и во своем граде неведом ходит. Богат мужь возглаголет — вси молчат и слово его до облак вознесут; а убог мужь возглаголет, то вси на него воскликнут. Их же бо ризы светлы, тех и речи честны».¹⁶ «Княже мой, господине! — говорит Даниил Заточник в другом месте. — Не лиши хлеба ница мудра, не возноси до облак богата несмыс-

¹⁰ Там же, стр. 61, ст. XLI.

¹¹ Там же, стр. 53, ст. IV.

¹² Там же, стр. 54, ст. VI.

¹³ Там же, стр. 60, ст. XXXV (XXVI).

¹⁴ Там же, стр. 62, ст. XLIII.

¹⁵ Там же, стр. 63, ст. XLVII.

¹⁶ Там же, стр. 55, ст. XIII.

лена. Нищъ бо, а мудр, яко злато в полне сосуде, а богатый человек несмыслен, яко паволочито изголовие соломы наткано; а убог несмыслен, аки солома во грязи втоптана». ¹⁷

Итак, Даниил Заточник беден, не имеет никакого имущества, страдает от нищеты. Каково же его социальное происхождение и положение? Данные намятника об этом противоречивы. В двух случаях он прямо называет себя княжеским «рабом»: «Княже мой, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз раб твой и сын рабы твоея»; ¹⁸ «Княже мой, господине! Не отриши раба скорбящего, не лиши мене живота своего. Яко очи рабыни в руде госпожи своей, тако очи наши в руку твоею, яко аз раб твой и сын рабы твоея». ¹⁹ Если слово «раб» можно понимать здесь не в буквальном, а в переносном смысле (перед князем — все «рабы»), то выражение «сын рабы твоея» как будто прямо уже указывает на происхождение автора от рабыни. На принадлежность Даниила Заточника к несвободному состоянию как будто намекают и такие его высказывания, как «и под работным ермом пострадах; все то искусих, яко зло есть», ²⁰ «многажды бо обретаются работные хлебы аки пелын во устех, и питие мое с плачем растворях». ²¹ Под «работным ермом», «работными хлебами», вернее всего, следует подразумевать подневольный труд холопа и пропитание, зарабатываемое этим трудом.

В то же время составитель относится весьма отрицательно к холопству, считая, что холопы занимают низшее место на общественной лестнице и ни богатая одежда, ни золотые украшения не могут изменить презрительного отношения к холопу со стороны представителей других социальных групп. «Не лепо у свини в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги, — с иронией отмечает Даниил. — Аще бо были котлу во ушию златы кольца, по дну его не избыти черноти и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укуру ему своего не избыти, холопья имени». ²² В другом месте «Послания» находим такую «притчу»: «Ни птица во птицах сычъ; ни в зверех зверь еж; ни рыба в рыбах рак; ни скот в скотех коза; ни холоп в холопех, кто у холопа работает». ²³

Поскольку составитель говорит, что, работая у хорошего господина, можно в конце концов получить свободу («добру господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа, дослужится большие работы»), весьма правдоподобно допустить (как это и делалось в литературе), что он принадлежал к числу

¹⁷ Там же, стр. 56, ст. XVIII.

¹⁸ Там же, стр. 54, ст. IX.

¹⁹ Там же, стр. 65, ст. LVI.

²⁰ Там же, стр. 60, ст. XXXV (XXVI).

²¹ Там же, стр. 61, ст. XXXIX (XXX).

²² Там же, стр. 61, ст. XXXVII (XXVIII).

²³ Там же, стр. 69, ст. LXVI.

княжеских дворовых несвободных слуг и был отпущен своим господином на волю.

Известно многократно цитировавшееся в литературе выражение Даниила «всякому дворянину имети честь и милость у князя».²⁴ Из этой формулы делается правильный вывод о принадлежности Даниила Заточника к княжескому «двору». На княжеский «двор», «дом», наполненный подвластными ему «людьми», слугами, имеются и другие указания в тексте «Послания»: «Княже мой, господине! Все напитаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоея».²⁵ «Княже мой, господине! Яко же море не наполнится, многи реки приема, тако и дом твой не наполнится множеством богатства, приема, зане руце твои яко облак силен, взимая от моря воды — от богатства дому твоего, труся в руце немущих»;²⁶ «Княже мой, господине! Ни море уполовнею вычерпать, ни нашим иманьем дому твоего истощити».²⁷

Образно и остроумно Даниил Заточник сопоставляет условия службы на боярском «дворе» и в княжеском «доме». Он говорит, что его не соблазнят ни богатая одежда, ни обильная пища, которые еще могут предоставить бояре, и он предпочтет лучше переносить бедность, носить убогую обувь и плохое платье, плохо питаться на княжеской «службе», чем перейти на «службу» к ним: «Княже мой, господине! Лучше бы ми нога своя видети в лыщинцы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе»;²⁸ «Лучше бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярстем дворе; лучше бы ми воробен испечен приимати от руки твоя, нежели боранье плечо от государей злых».²⁹ Ясно, что «службу» у князя Даниил рассматривает как «честь» и не хочет ею поступиться ради богатства.

Принадлежность составителя к княжескому «двору» видна и из того места его «Послания», в котором он восхваляет князя, собирающего вокруг себя большое количество слуг, и сравнивает его с птицей, сосредоточивающей в своем гнезде свои и чужие яйца: «Яко же бо ряп, сбирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яйца. Воспоет, рече ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от ипех стран совокупи, притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость».³⁰

²⁴ Там же, стр. 63, ст. LXIII.

²⁵ Там же, стр. 54, ст. XI.

²⁶ Там же, стр. 64, ст. L.

²⁷ Там же, стр. 67, ст. LIX.

²⁸ Там же, стр. 60, ст. XXXVI (XXVII).

²⁹ Там же, стр. 61, ст. XXXVIII (XXIX).

³⁰ Там же, стр. 66—67, ст. LVIII.

Но Даниил Заточник видел свое призвание не в военной службе. Он говорит, что князь должен обращать внимание не только на храбрых воинов, но и на разумных советников: «Княже мои, господине! Аще есми на рати не велми храбр, но в словесех крепок; тем збираи храбрыя и совокупляи смыслаемая».³¹ Очевидно, составитель «Послания» принадлежал к числу княжеских дворцовых послужильцев (так называемых «слуг под дворским»).

Однако в момент написания «Послания» составитель уже не находился на княжеской «службе», на которой был когда-то. Напротив, из текста как будто явствует, что он чем-то прогневал князя, заслужил его немилость и хочет вымолить прощение: «Но боюся, господине, похуления твоего на мя, аки смоковница она бесплодная проклятия»;³² «Ведми, господине, твое благо-разумие и притекох ко обычней твоеи любви, глаголет бо святое писание: просите, и примете»;³³ «Княже мои, господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твои сладок, и уста твоя мед истачают».³⁴ Даниил завидует людям, согреваемым, как солнцем, княжеской милостью, в то время как он находится во тьме, будучи днем и ночью отлучен от «света» княжеских «очей».³⁵ Он жаждет княжеской «милости», как олень «водного источника».³⁶ Не будучи огражден, как твердой оградой, «страхом» княжеской «грозы», Даниил подвержен обидам с разных сторон, подобно стоящему на дороге сухому дереву, которое «секут» все «мимоходящии».³⁷ Даниил просит князя допустить его пред свое лицо: «яви ми зрак лица твоего»;³⁸ «не зри на мя, яко волк на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца».³⁹

Реально составитель «Послания» устами Даниила ставит вопрос о переходе под княжеский патронат, о возвращении его в число слуг княжеского «дома»: «Княже мои, господине! Не остави мене, яко отец мои и мати остависта мя, а ты, господине, прими милостию своею».⁴⁰ «Сего ради, княже мои, господине, притекох ко обычней твоеи любви и нестрашимей милости, бежа убожества, аки ратника зла»,⁴¹ — говорится в другом месте текста. Еще и еще раз повторяется на страницах «Послания» призыв к княжеской «милости»: «Обрати тучю милости

³¹ Там же, стр. 57, ст. XIX.

³² Там же, стр. 53, ст. III.

³³ Там же, стр. 54, ст. VII.

³⁴ Там же, стр. 55, ст. XV.

³⁵ Там же, стр. 54, ст. X.

³⁶ Там же, ст. XI.

³⁷ Там же, стр. 55, ст. XII.

³⁸ Там же, ст. XV.

³⁹ Там же, стр. 56, ст. XVI.

⁴⁰ Там же, стр. 59, ст. XXVIII (XI).

⁴¹ Там же, стр. 62, ст. XLV.

твоея па землю худости мояя»; «ниже бо в печали кто мужа призрит, то аки водою студеною напоит в день зноя».⁴²

«Послание» Даниила Заточника представляет собой как бы литературно оформленное челобитие с коммемдацией князю со стороны «мужа», уже бывшего на княжеской «службе», но за провинность ее лишившегося. Он просит и обеспечить его за «службу», указывая князю, что как невод не держит воды, но вылавливает множество рыб, так и князь должен не копить богатства, а раздавать их «мужам».⁴³ «Княже мой, господине! — восклицает Даниил Заточник. — Ни моря уполовнею вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити».⁴⁴

Какие же обстоятельства привели составителя «Послания» к тому, что он сначала оказался вне княжеского «дома», а затем снова стал добиваться приема в число княжеских слуг и воспроизвел эту свою судьбу словами старинного памятника русской письменности — «Слова» Даниила Заточника? Вероятно, сложная судьба составителя была связана со смертью в начале XIV в. переяславского князя, переходом Переяславля в число московских владений и пересмотром князьями московскими состава переяславского княжеского «двора». По каким-то неизвестным нам причинам составитель «Послания» или сам покинул этот «двор» (может быть, из протеста к московскому правительству), или был удален оттуда (за неблагонадежность) московскими князьями. Но затем, пережив ряд трудностей, он был вынужден взывать к «милости» московского князя, изобразив свою участь в форме «Послания», составленного якобы еще во времена переяславского князя Ярослава Всеволодовича. Так я отвечаю на вопрос, с какою целью написано «Послание».

Выдвинутую гипотезу можно подкрепить некоторыми дополнительными соображениями. Даниил называет князя — своего адресата — князем «над переславцы»,⁴⁵ но он не является переяславским князем. Это, очевидно, московский князь, вокняжившийся в Переяславле (может быть, Иван Калита), потому что Даниил Заточник для него выходец из «чужого града»: «Богат муж везде знаем есть и в чюжем граде, а убог мужь и в своем граде неведом ходит».⁴⁶ Добиваясь «милости» у князя, Даниил Заточник особенно подчеркивает, что к нему «притекают» «многи слуги» «от инех стран».⁴⁷

Итак, политические взгляды составителя «Послания» складывались в значительной мере на основе собственного жизненного опыта. Каковы же эти взгляды? Политическим идеалом состави-

⁴² Там же, стр. 63, ст. XLVIII.

⁴³ Там же, стр. 59, ст. XXXI (XXII).

⁴⁴ Там же, стр. 67, ст. LIX.

⁴⁵ Там же, стр. 66, ст. LVII.

⁴⁶ Там же, стр. 55, ст. XIII.

⁴⁷ Там же, стр. 66, ст. LVIII.

теля является сильный князь, окруженный большим числом слуг. Как змий «страшен свистанием своим», так князь «грозен множеством вои». ⁴⁸ Сила князя заключается в возглавляемых им «мужах» («женам глава муж, а мужем князь, а князем бог»). Как кормчий управляет кораблем, так князь — своими «людьми». Полки без «доброго» князя — воеводы подобны «великому зверю», не имеющему главы. ⁴⁹ Из числа своих слуг князь должен выбирать себе советников («собрати мудрые»). ⁵⁰

Под княжескою властью укрепляются отдельные «грады». Как «дуб крепится множеством корения», как «тело крепится жилами», так «люди» — княжескою «державою». ⁵¹ Понятие княжеской «державы», объединяющей ряд «градов», т. е. княжеской власти, распространяющейся на большую подвластную ей территорию, наполнялось особым содержанием в условиях начавшегося процесса расширения Московского княжества.

Сильная княжеская власть, имеющая опору в слугах, должна обеспечить крепость и славу государства во внешнем мире («яко же паволока испестрена многими полки красно лице являет, тако и ты, княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси и по многим странам славен явися»). ⁵² Задачей княжеской власти является также обеспечение социального мира. Князь — «заступник» «сирот» и «худых» людей, «потопляемых» людьми «богатыми». ⁵³

Социальная программа Даниила Заточника заключается, по видимому, в развитии среднего и мелкого служилого феодального землевладения. Он недолгобливает богачей (крупных земельных магнатов), но понимает, что отсутствие земельной собственности может низвести его в разряд «убогих», феодально-зависимых людей. Отсюда его знаменитый афоризм: «Богатства и убожества пе дай же ми, господи: обогатев, восприиму гордость и буесть, а во убожестве помышляю па татбу и на разбой». ⁵⁴ Очевидно, источником мелкого и среднего землевладения Даниил мыслит княжеские пожалования, поэтому сравнивает князя, дающего своим слугам «богатство и силу», с плодоносящей землей. ⁵⁵

Известны выпады Даниила Заточника против монашества. Монахи ведут настолько скверный образ жизни, что «принять ангельский образ» значит «солгать» богу. Но обмануть можно людей, бога же не обманешь, и именем божьим шутить грешно: «Рече бо лож мирови, а не богу: богу нельзя солгати, ни вышним

⁴⁸ Там же, ст. LVII.

⁴⁹ Там же, стр. 59, ст. XXIX (XX).

⁵⁰ Там же, стр. 58, ст. XXIV (XXXVI).

⁵¹ Там же, стр. 66, ст. LVII.

⁵² Там же, стр. 59, ст. XXX (XXI).

⁵³ Там же, стр. 63, ст. XLVI.

⁵⁴ Там же, стр. 62, ст. XLIV.

⁵⁵ Там же, стр. 63, ст. XLVI.

играти». Обличая монашество, Даниил прибегает к весьма колоритным сравнениям: «Или речеша, княже, пострижися в чернцы, то не видал есмь мертвеца, на свинии ездячи, ни черта на бабе; не едал есмь от дубья смоквеи, ни от липня стафиля». ⁵⁶ Даниил ставит в вину монахам приверженность к мирским увеселениям, к стяжательству, к земельным приобретениям. «Мнози бо, отпоспше мира сего, во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие. . . и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черницы и черницы и беззаконие». ⁵⁷

Не находятся ли приведенные выпады Даниила против черных князей церкви в связи с той ересью, которая (как можно судить по некоторым сведениям, имеющимся у В. Н. Татищева) распространилась в начале XIV в. в Переяславле и вопрос о борьбе с которой обсуждался на переяславском церковном соборе при участии Ивана Калиты? Еретики осуждали монашество («ангельский монашеский чин ругаху»), называя его «учением бесовским». ⁵⁸ Если те резкие и ядовитые характеристики монахов, которые мы находим в «Послании» Даниила Заточника, представляют собой отголоски выступления переяславских еретиков, то это обстоятельство является еще одним аргументом в пользу возникновения «Послания» в начале XIV в. в Переяславле.

На основе проведенного анализа «Послания» Даниила Заточника можно как будто сделать вывод, что московские князья в своей политике ориентировались на поддержку военных слуг из числа мелких и средних землевладельцев, часто даже низкого социального происхождения (бывших холопов, отпущенных на волю). В этой среде московским князьям удавалось найти для себя социально-политическую опору. Из «Послания» Даниила видно далее, что со стороны какой-то части переяславских землевладельцев в отношении московской княжеской власти выявилась значительная оппозиция и это, возможно, потребовало пересмотра московскими князьями личного состава «двора» покойного переяславского князя. Наконец, «Послание» показывает, что в среде переяславского населения (очевидно, горожан, вольноотпущенников) были распространены еретические течения, раздавалась критика монашества, ставился вопрос о монастырском землевладении. Вряд ли эти течения можно рассматривать лишь под углом зрения отражения в области идеологии известных противоречий внутри господствующего класса. За критикой монашества можно уловить какую-то (пусть еще неясную) линию классовой борьбы.

⁵⁶ Там же, стр. 70, ст. LXXII—LXXIII.

⁵⁷ Там же, ст. LXXIV.

⁵⁸ В. Н. Татищев. История Российская в семи томах. Том пятый. М.—Л., 1965, стр. 72; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 100.